

Пока Сюэ Цзя рассеянно смотрел на свет лампы, дверь комнаты внезапно распахнулась.

Он резко вздрогнул, быстро приходя в себя, и снова уткнулся в книгу, делая вид, что читает.

Свет лампы был мягким и теплым, словно кусочек яшмы.

Именно такую картину увидел Чэнь Линьцин, войдя в комнату.

Мало кто в этом мире не поддается обаянию внешности. Внешность, внешность — это не просто цвет или форма.

Человек под лампой, хотя и не был красавцем, словно прекрасная девушка, или обладателем ослепительной красоты, которая могла бы покорить город, для Чэнь Линьцина, который был одержим им столько лет, это было именно то, о чем он мечтал: вернуться домой глубокой ночью, увидеть свет в комнате, оставленный для него, и человека, который, лежа с книгой в руках, спокойно и умиротворенно поднимает на него взгляд, улыбается, и в его глазах читается глубокая нежность.

Ради этого мгновения он не жалел ничего, что оставил позади.

Чэнь Линьцин тихо вошел, даже замедлив дыхание, боясь нарушить эту идиллию.

Сюэ Цзя, конечно, услышал, как он вошел, и, подняв лицо к свету лампы, слегка улыбнулся, выглядя расслабленным и естественным:

— Ты вернулся?

Дыхание Чэнь Линьцина замерло. В этот миг он потерял рассудок.

Сюэ Цзя, видя, что Чэнь Линьцин не отвечает, а просто стоит и смотрит на него с глуповатым выражением лица, внутренне не мог рассмеяться, хотя на губах еще играла улыбка, но взгляд его стал холодным.

В этот момент он снова вспомнил Гу Хуайюя. С прошлого праздника середины осени Хуайюй иногда тоже смотрел на него так, словно задумавшись, хотя он был прямо перед ним, и через некоторое время обнимал его, бормоча что-то о том, чтобы тот не уходил, как ребенок, что вызывало у него улыбку. Потом, если Хуайюй снова смотрел на него так, он просто улыбался и подшучивал над ним, отвлекая его мысли на что-то другое.

«Хуайюй...»

Чтобы не продолжать думать об этом, видя, что Чэнь Линьцин молчит, Сюэ Цзя сменил тему:

— Недавно дошли слухи о поражении князя Жуя, кажется, народ вовсю обсуждает это.

Чэнь Линьцин, приезжая в какое-либо место, всегда держал его взаперти, не позволяя свободно передвигаться. Это он услышал, когда спускался вниз, чтобы заказать еду, и зашел в туалет, где услышал разговор нескольких прохожих.

Чэнь Линьцин наконец очнулся, подошел к кровати и сел рядом с Сюэ Цзя, слегка усмехнувшись:

— Этот князь Жуй действительно глуп, слишком торопится и жаждет славы. Полагаясь только на войска из города Юнь, он осмелился замышлять государственный переворот, это поистине

жадность, которая не знает меры. Он не подумал, что город Юнь, город Тао и город Хуай находятся близко к императорской столице, и если не удастся быстро одержать победу, как только столица мобилизует войска из города Тао и города Хуай, он окажется в окружении и неминуемо погибнет.

Сюэ Цзя слегка задумался:

— Значит, кто-то остановил его за пределами столицы?

Чэнь Линьцин вздохнул:

— Да. Говорят, что это был старший сын генерала Фан Цзинбяня, который выступил с войсками, а Сяо Жунлянь, наставник наследного принца, разработал стратегию, чтобы вовремя остановить этого мятежника за пределами столицы. Семья Фан всегда была верна престолу, и молодой командир Фан в таком возрасте уже достиг таких успехов, это действительно достойно восхищения.

Взгляд Сюэ Цзя на Чэнь Линьцина стал сложным.

Если бы в самом начале Чэнь Линьцин не обратил на него внимания, а следовал своим стремлениям, сдал экзамены и служил государству, он, в конце концов, стал бы чиновником с принципами и достоинством. Если бы он проявил выдающиеся способности и заслужил благосклонность императора, он не только прославил бы семью Чэнь, но и оставил бы свое имя в истории.

Возможно, встреча с ним для Чэнь Линьцина была проклятием.

Зачем?

Сюэ Цзя, немного поколебавшись, все же произнес:

— Ты когда-нибудь задумывался, как бы сложилась твоя жизнь, если бы ты не увез меня?

Не дожидаясь ответа, он продолжил, подчеркивая каждое слово:

— Возможно, ты бы сдал экзамены, стал чиновником, реализовал свои амбиции, женился на красивой жене, а в старости был бы окружен детьми и внуками, принесся славу своему роду. Даже если ты не любишь женщин, имея положение и власть, сколько прекрасных мужчин было бы в твоём распоряжении...

Видя, как выражение лица Чэнь Линьцина становится все мрачнее, Сюэ Цзя почувствовал тревогу, и фраза «зачем ты так упорно держишься за меня одного» мгновенно превратилась в «но ты отказался от всего этого, и когда я состарюсь и потеряю свою красоту, ты уверен, что не пожалеешь об этом?»

— Конечно, нет! — Чэнь Линьцин сжал его плечи и прошептал с болью в глазах. — Цзя, для меня ты — самое дорогое, ничто не важнее тебя. Если бы я отказался от тебя, то пожалел бы об этом всю жизнь!

Как будто что-то вспомнив, Чэнь Линьцин схватил руку Сюэ Цзя и прижал ее к своей груди, его взгляд был наполнен глубокой нежностью:

— Ты боишься, что в будущем я разочаруюсь в тебе? Не беспокойся, я, Чэнь Линьцин, не тот,

кто предаёт свои чувства. Раз я увез тебя, то буду любить тебя всю жизнь и никогда не предаю, как это сделал Гу Хуайюй. Если ты не веришь, я могу поклясться, что...

Сюэ Цзя быстро прервал его, с легкой грустью в глазах:

— Не надо... Клятвы приносят вред, не клянись.

Услышав, что в словах Сюэ Цзя появилась мягкость, Чэнь Линьцин не смог скрыть радости, улыбнувшись:

— Ты заботишься обо мне?

Смотря на Сюэ Цзя, который молча опустил голову, Чэнь Линьцин осторожно приблизился, пытаясь поцеловать его, но Сюэ Цзя уперся рукой в его грудь.

В глазах Сюэ Цзя читалась мучительная борьба и боль, он быстро взглянул на Чэнь Линьцина и отвел взгляд, в голосе его звучала легкая печаль:

— Прости. Хотя я и говорил раньше, что могу попытаться принять тебя, но сейчас я все еще не могу полностью забыть Гу Хуайюя, даже если он причинил мне много боли. Ты... можешь подождать?

Чэнь Линьцин выглядел разочарованным, но в конце концов не стал настаивать, просто обнял его, чувствуя, как тело в его объятиях напряглось, и мягко произнес:

— Хорошо. Я готов ждать тебя всю жизнь, пока ты не полюбишь меня.

Чэнь Линьцин был абсолютно уверен в одном, и это поддерживало его: он верил, что если Сюэ Цзя останется с ним, то рано или поздно забудет Гу Хуайюя и полюбит его. Ведь только он искренне любил Сюэ Цзя, а тот Гу Хуайюй, который думал о другом и постоянно причинял боль Сюэ Цзя, не мог с ним сравниться.

Поскольку Сюэ Цзя лежал на его плече, Чэнь Линьцин не увидел, как лицо Сюэ Цзя мгновенно стало холодным, а глаза потемнели, словно глубокий омут.

Ведь он уже почти все подготовил.

Пришло время уходить.

Смотря на мужчину в простой одежде, который рухнул на стол, и на расставленные на столе кувшины и чашки, Сюэ Цзя был спокоен.

Важнейший шаг его плана удался.

Он давно начал готовиться к побегу. Но мир велик, дороги пустынные, и для человека, который никогда не был так далеко от дома, оказаться в одиночестве в незнакомом месте, да еще и под действием снотворного, было нелегко.

Но любовь к Гу Хуайюю дала ему мужество оставаться хладнокровным.

Именно стремление вернуться к Гу Хуайюю помогло Сюэ Цзя преодолеть тревогу и панику, и он начал методично изучать окружающую обстановку, наблюдать за людьми, с одной стороны, ослабляя бдительность Чэнь Линьцина, а с другой — накапливая силы, ожидая подходящего момента для побега.

По замыслу Чэнь Линьцина, они должны были отправиться из города Вань в еще более отдаленный город Цзян. Но, по мнению Сюэ Цзя, как только они попадут в город Цзян, побег станет гораздо сложнее. Этого он не хотел. Поэтому через несколько дней после прибытия в маленькую гостиницу в городе Вань Сюэ Цзя начал притворяться больным, затягивая поездку. А Чэнь Линьцин, смягчившись из-за его «болезни», перестал давать ему снотворное.

<http://bllate.org/book/17686/1650010>